

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 355. 01 (476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-271-289>

Поступила в редакцию 28.10.2022
Received 28.10.2022

В. А. Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь, Минск, Беларусь

**ПРОГНОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ СФЕРЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. Рассматриваются методологические аспекты анализа и прогнозирования военно-политической обстановки в контексте союзного строительства, влияющие на военную сферу национальной безопасности. Анализируются негативные факторы, свидетельствующие о дисбалансе системы обеспечения глобальной и региональной безопасности. Понимание развития военного конфликта в виде «лестницы эскалации» позволит политическим и военным руководителям не допустить потери управляемости конфликтом. Рассматриваются основные тенденции военно-политической обстановки, определяющие военные опасности и угрозы Союзному государству, а также особенности ее развития в рамках среднесрочного и долгосрочного прогнозов. Вызовы и угрозы военной безопасности Беларуси и России будут иметь комплексный и разнонаправленный характер, затрагивая все сферы деятельности государств. Задача их внешней и военной политики – укрепление международной безопасности и стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях. Определяются основные особенности военных конфликтов и вооруженной борьбы в XXI в. Делается вывод, что мирное развитие белорусского государства в условиях нарастания военного насилия возможно при условии гарантированного обеспечения военной безопасности государства. Актуальными являются непрерывное прогнозирование международной и военно-политической обстановки, совершенствование военной организации государства, единство государственной власти, армии и народа страны. Основная военно-стратегическая задача для политической элиты государства – сдерживание агрессии в любых ее проявлениях.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, военная сфера национальной безопасности, международные отношения, военно-политическая обстановка, прогнозирование, военный конфликт, военная организация государства, военная опасность, военная угроза

Для цитирования: Ксенофонов, В. А. Прогнозные основания развития военной сферы национальной безопасности / В. А. Ксенофонов // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 4. – С. 271–289. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-271-289>

Vladislav A. Ksenofontov¹

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

**PREDICTIVE BASES OF DEVELOPMENT OF THE MILITARY SPHERE
OF NATIONAL SECURITY**

Abstract. The methodological aspects of analysis and forecasting of military-political situation in the context of alliance building, influencing the military sphere of national security, are shown. Negative factors indicating the imbalance of global and regional security assurance system are revealed. It is emphasized that understanding of military conflict development in the form of an “escalation ladder” will allow the political and military leaders to prevent the loss of controlability of the conflict. The main trends of military and political situation determining military dangers and threats to the Union State, as well as the peculiarities of its development in the medium- and long-term forecasts were revealed. It has been specified that challenges and threats to the military security of Belarus and Russia will be of a complex and multidirectional nature, affecting all spheres of their activities. The task of their foreign and military policies is strengthening international security and strategic stability on the global and regional levels. The main features of military conflicts and armed struggle in the XXI century are defined. It is concluded that peaceful development of the Belarusian state in the conditions of increasing military violence is possible under the condition of guaranteed provision of military security of the state. It is important to continuously forecast the international and military-political situation, to improve the military organization of the state, the unity

of the state power, the army and the people of the country. The main military strategic task for the political elite of the state is to deter aggression in any of its manifestations.

Keywords: Belarus, Russia, military sphere of national security, international relations, political-military situation, forecasting, military conflict, military organization of the state, military danger, military threat

For citation: Ksenofontov V. A. Predictive bases of development of the military sphere of national security. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 4, pp. 271–289 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-271-289>

Введение. Условия геополитической турбулентности и нестабильности международных отношений существенно влияют на военно-политическую обстановку и обеспечение национальной безопасности государства. Данные обстоятельства требуют постоянного интеллектуально-аналитического сопровождения решений в области управления всеми видами безопасности государства. Особое значение в условиях нарастания военного насилия в мире и тенденций его эскалации в регионе приобретает гарантированное обеспечение военной безопасности Беларуси [1].

Развитие международных отношений свидетельствует о стремлении западной локальной человеческой цивилизации (по А. И. Подберезкину) навязать собственную систему ценностей другим субъектам международных отношений. В этих целях используются различные сценарии воздействия. При этом степень недружественных (насильственных) действий на противников существенно возрастает, используется весь арсенал силового воздействия от политико-идеологического «убеждения» до военно-силового принуждения.

В условиях возрастания роли информации и научного знания в социальном развитии важнейшей частью современного межгосударственного противоборства является идеологическое и информационно-психологическое (ментальное) воздействие на противоположную сторону с целью подчинения ее воли субъекту доминирования [2; 3]. Объектом такого поражения являются: национальные интересы, система общественно-политического устройства, национальная безопасность, социально-политическое развитие отдельных стран, их внешнеполитическая деятельность в системе международных отношений [4, с. 5].

В рамках реализации геополитического закона фундаментального дуализма – противопоставление морского могущества (талассократия) и сухопутного могущества (теллутократия) или борьбы цивилизаций Моря и Суши – Республика Беларусь объективно втянута в глобальное противоборство между Западом и Востоком со всеми вытекающими последствиями.

Сложность, противоречивость и высокая динамика международной и военно-политической обстановки, неопределенность мировой политики, существующие и потенциальные вызовы и угрозы международной и национальной безопасности требуют эффективных действий по обеспечению национальной безопасности в военной сфере, созданию благоприятных условий для реализации национальных интересов Беларуси.

В сложившихся обстоятельствах возникает необходимость укрепления всей системы национальной безопасности и ее составляющих. С учетом возрастания в международной обстановке использования военно-силового фактора особое место принадлежит именно военной сфере национальной безопасности, от рационального функционирования которой зависит не только защищенность личности и общества от военных опасностей и угроз, но и перспективы развития белорусского социума. Следовательно, прогнозирование тенденций развития военной сферы национальной безопасности выступает актуальной научной и практической задачей в интересах сохранения и развития государства.

Основная часть. Термин «прогноз» (от гр. *prognosis*) обозначает предвидение, понимаемое как получение информации о будущем состоянии и перспективах развития какого-либо объекта, предмета, процесса, события. Военный ученый А. С. Коржевский отмечает: «Функция прогноза заключается в подготовке научной информации для тех органов, которые разрабатывают планы, программы, а также принимают управленческие решения» [5, с. 22].

Отметим, что проблемы военной футурологии и ее развития неоднократно обсуждались на страницах военно-теоретического журнала «Военная мысль». Активную позицию в этом вопросе занимали ученые-фронтовики. В частности, профессор И. Н. Воробьев отмечал: «Футурология по своей сути является философской прогностической наукой, поскольку ее принципы,

составляющие «опорную сеть» научных исследований, всецело вытекают из принципов диалектики – это единство анализа и синтеза, индуктивных и дедуктивных методов; всесторонность исследования; аргументированность и объективность выводов; активная поисковая направленность; использование военно-исторического опыта. Образно говоря, футурологический прогноз – это «прыжок через разрыв информации», обнаружение сущности грядущих военных явлений при очевидной неполноте исходных данных» [6]. Профессор В. Д. Рябчук акцентировал внимание на «резком повышении роли и значения интеллекта, информации, прогнозирования в любых формах противоборства – военного и невоенного – и их сочетании» [7].

Правомерен подход аналитиков НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь, заключающийся в том, что «для реализации стратегического сдерживания чрезвычайно важно прогнозировать дальнейшие изменения военно-политической обстановки, предупреждать возникновение военных угроз на ранних стадиях их зарождения, а не пассивно ждать, когда они проявятся и вызовут необходимость им противодействовать, но уже с дополнительными различного рода затратами, а то и потерями» [8, с. 10].

В объем понятия «прогнозирование» входит понятие «военное прогнозирование», представляющее процесс разработки прогнозов в области деятельности военной организации государства [5, с. 23].

Нас же интересуют основные вопросы более широкого прогнозирования, влияющие на функционирование всей военной подсистемы национальной безопасности. В условиях нарастания противоречий в современном мире и увеличения насильственных способов их разрешения важнейшим условием обеспечения гарантированной военной безопасности государств является *постоянный анализ международной и военно-политической обстановки*.

Разделяем позицию ученого-международника А. И. Подберезкина, что «именно состояние международных отношений имеет приоритетное значение, предопределяя во многом состояние военно-политической обстановки и, как следствие, – стратегической обстановки. Иными словами, состояние международных отношений как основной системы, характеризующей отношения субъектов и акторов в мире, является общим для состояния военно-политической обстановки, которая является частью этой системы (подсистемой), а стратегическая обстановка, войны и конфликты – подсистемами еще более низкого уровня, но оставаясь частью общей системы глобальных международных отношений» [9, с. 14]. Кроме того, «именно состояние международных отношений и, в частности, военно-политической обстановки создает *внешние условия развития государства, которые могут быть благоприятными или неблагоприятными либо даже угрожающими*» [9, с. 15].

Не выделяя отдельно тенденции развития современного мира, остановимся на важнейшей компоненте анализа, оказывающей непосредственное влияние на военную сферу национальной безопасности, военно-политической обстановке. Подчеркнем, что «методология военного прогнозирования должна учитывать перспективы развития форм, способов, средств вооруженной борьбы и иных сопутствующих действий эвентуального противника, динамику изменения социально-экономических, социально-политических, религиозных, национальных и других противоречий, выявленных в результате непрерывного мониторинга и анализа происходящих событий в мире, регионе и собственной стране» [8, с. 10].

Как правило, прогнозы делятся на краткосрочные (до 5 лет), среднесрочные (до 10 лет) и долгосрочные (свыше 10 лет). При этом цель военного прогнозирования – анализ и оценка на заданный период состояния межгосударственных, пограничных, межконфессиональных, экономических и иных противоречий, решение которых допускает возможность применения сторонами военной силы [8, с. 10].

Обычно в качестве исходной точки прогнозирования рассматриваются следующие признаки: существование или появление у предполагаемого агрессора интересов к объекту агрессии, для достижения которых потребуется применение военной силы;

способность его вооруженных сил осуществлять стратегическое развертывание и вести наступательные действия;

проведение различного рода учений (тренировок) с наступательной направленностью в непосредственной близости от границ объекта агрессии;

наличие инфраструктуры, способной обеспечить эффективное применение вооруженных сил, а также взаимосвязанные с ними признаки в политической, экономической и других сферах деятельности [8, с. 10].

Итак, военно-политическая обстановка как сложное и комплексное явление имеет свою *структуру*, которая включает: 1) субъекты военно-политической обстановки; 2) интересы и цели данных субъектов; 3) расстановку и соотношение сил субъектов; 4) конкретные реальные обстоятельства, события, военно-политические процессы, влияющие на деятельность субъектов военно-политической обстановки [4, с. 8].

Обратим внимание, что в ходе анализа военно-политической обстановки учитываются как внешние, так и внутренние вызовы и угрозы системе международной и национальной безопасности.

Республика Беларусь, исходя из геополитических интересов, совокупного потенциала государства, приоритетного направления в коалиционной военной политике, укрепляет систему коллективной безопасности и развивает отношения с Российской Федерацией в рамках Договора о создании Союзного государства, а также принимает комплекс мер в целях поддержания необходимого военного потенциала и предотвращения военных угроз Союзному государству и отражения агрессии на общем оборонном пространстве [10, ст. 20; 11].

Закономерно, что в утвержденной в ноябре 2021 г. Военной доктрине Союзного государства выделен раздел «Военно-политическая обстановка», в котором отмечается, что «военно-политическая обстановка, складывающаяся вокруг Союзного государства, характеризуется возрастанием негативных процессов в сфере глобальной и региональной безопасности, обусловленных как геополитическим соперничеством между ведущими мировыми державами, так и столкновением интересов отдельных государств (коалиций государств)» [12, ст. 6].

Указанные проблемы и противоречия не являются принципиально новыми, они заключены в геополитических концепциях и сценариях их реализации ведущих государств Запада (США, Великобритании) и их союзников по Североатлантическому альянсу [13]. В определенной степени новыми являются стратегии доминирования, охватывающие все сферы человеческой жизнедеятельности и трансформирующие войны в сложное системное и многосферное явление, имеющее гибридный характер [14–16].

Анализ и оценка военно-политической обстановки, проведенные в рамках строительства Союзного государства, позволили выделить основные *негативные факторы*, влияющие на состояние и развитие военно-политической обстановки:

высокая активность процессов в экономической и политической сферах, которые сопровождают формирование полицентрической международной системы отношений;

попытки изменения ценностных ориентиров и моделей развития, дискредитации культур, религий и цивилизаций, фальсификации истории, способствующие нарушению духовно-нравственных связей родственных народов;

противодействие со стороны некоторых международных организаций, иностранных государств развитию Союзного государства, ОДКБ, а также других интеграционных образований на международной арене с участием Республики Беларусь и Российской Федерации;

наличие вблизи границы государств-участников очагов военных конфликтов;

наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора на внешней границе Союзного государства;

применение военной силы в нарушение действующих норм международного права, обуславливающее дестабилизацию международной обстановки;

применение в военных конфликтах военной силы в сочетании с политической, финансово-экономической, информационной и другими формами борьбы;

обострение социальных противоречий в Европейском регионе [12, ст. 7].

Перечисленные негативные факторы свидетельствуют о дисбалансе существующей системы обеспечения как глобальной, так и региональной безопасности, а также о высокой степени военной активности западных геополитических центров силы и их потенциальной готовности прибегнуть к военно-силовому сценарию для продвижения своих интересов. Это в свою очередь

требует постоянного мониторинга военно-политической обстановки и на этой основе «гибкой и адекватной корректировки военной политики» как Республики Беларусь, так и Союзного государства [12, ст. 7].

Важным элементом военно-политической обстановки является смена парадигмы военного конфликта с классического на неклассический, который не предполагает прямых военных действий, а преследует цель лишить противника возможности сопротивляться и упростить достижение победы. Эти методы противоборства получили название «неклассическая война» и «гибридная война» [17; 18; 19–24].

Российские военные аналитики отмечают: «Гибридность войн XXI века основана на совместном целевом применении невоенных и военных методов и средств противоборства. При этом невоенные меры превалируют над военно-силовыми действиями в условиях мирного времени и периода непосредственной угрозы агрессии, а по своей эффективности во многих случаях невоенные технологии значительно превышают эффективность применяемых военно-силовых методов. Кроме того, открытое применение военной силы в гибридных войнах является инструментом силового принуждения страны-мишени и реализации военных угроз, которые проявляются при недостижении целей предыдущих этапов гибридной агрессии» [14, с. 22].

США и их союзники в начале столетия активно использовали методы гибридного противоборства в странах Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии, затем продолжили их применение после 2010 г. в арабских странах Ближнего Востока и в отношении стран бывшего СССР (Украина) [4, с. 9].

Кроме уяснения смены парадигмы военного конфликта, важнейшее условие прогнозирования – определение возможностей его эскалации и развязывания [25]. Развитие военного конфликта может быть представлено в виде «лестницы эскалации». Еще в середине 1960-х гг. американский ученый Герман Кан разработал «лестницу эскалации», состоящую из 44 ступеней, отражающую масштабность и разрушительность войны, на которой верхний уровень именовался «спазматической войной», в ходе которой применялось бы неограниченно ядерное оружие [25, с. 55].

Государственные и военные деятели России разработали современную «лестницу эскалации», которая не имеет законченного характера и включает 17 ступеней. Ступени лестницы снизу вверх выглядят следующим образом:

1) **обострение обстановки**, включающее в себя активизацию информационного противоборства, в том числе информационные операции по дестабилизации внутривнутриполитического положения противоположной стороны, экономические санкции и др.;

2) **обмен угрожающими заявлениями** о возможном применении военной силы, в том числе для защиты своих друзей и союзников;

3) **обостряющийся политический кризис** с повышенной интенсивностью ведения информационного противоборства, демонстрацией военной силы в «серой зоне», но без ее боевого применения (активизация противоборства в «серой зоне» предполагает также и горизонтальную эскалацию);

4) **«гибридная война»**, неотъемлемой частью которой является ограниченное боевое применение военной силы (особенно сил спецопераций, а также наемников («прокси»), ЧВК и т. п.) наряду с широкомасштабным использованием политических, информационно-психологических, экономических и других средств, свойственных «гибридной войне»;

5) **преднамеренная или непреднамеренная провокация (инцидент)** во взаимодействии великих держав, повлекшая (повлекший) за собой гибель людей и серьезный ущерб военной технике;

6) **локальная «обычная война»** с ограниченными политическими целями противоборствующих сторон и ограниченным применением военной силы по времени и месту, без использования средств массового поражения и без широкомасштабного применения боевых киберопераций применительно к гражданским объектам, с задействованием лишь определенной части сил общего назначения и обычных средств поражения;

7) **региональная война с ведением боевых действий на суше, в воздухе и на море** без поражения любых космических аппаратов, с проведением боевых киберопераций более широких

масштабов, нежели в случае локальной войны. Такая война в условиях возрастающего уровня взаимозависимости в мировой экономике, производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, энергетике и т. д. чревата разрушением цепочек поставок, нарушением торговых путей, потрясениями финансовых рынков и в целом мировым экономическим кризисом огромных масштабов;

8) *ограниченная «обычная война» с поражением (физическим уничтожением или функциональным поражением) в тех или иных масштабах космических аппаратов* без поражения спутников системы предупреждения о ракетном нападении;

9) *крупномасштабная «обычная война»* без поражения крупных городских агломераций, химпроизводств, атомных электростанций и т. д., с применением «кибероружия» лишь против объектов военного назначения как на ТВД, так и за их пределами;

10) *крупномасштабная «обычная война» с проведением боевых киберопераций*, направленных на нарушение системы государственного управления и на поражение важных гражданских элементов инфраструктуры другой стороны;

11) *«обычная война»* с поражением крупных городских агломераций, с разрушением химпроизводств и атомных электростанций (при этом поражение крупных объектов химического производства, атомных электростанций с масштабным химическим и радиационным заражением, чреватым гибелью множества людей, что можно приравнять к применению оружия массового поражения);

12) *«ядерный конфликт»* – кризисная ситуация, в которую вовлечены один или несколько обладателей ядерного оружия, а противостояние доходит до уровня, когда одна или более сторон начинают использовать ядерное оружие в качестве инструмента прямого политико-военного давления. *«Ядерный конфликт» может возникнуть скачкообразно, без прохождения отмеченных выше стадий локальной «обычной войны», региональной войны и др.;*

13) *преднамеренное или непреднамеренное уничтожение обычными средствами (средствами ПЛО) ПЛАРБ* одной из великих держав (в том числе неопознанной «третьей стороной»);

14) *демонстрационное применение ядерного оружия* в пустынной местности без поражения людей, военных и экономических объектов;

15) *война с ограниченным применением ядерного оружия* по реальным военным объектам, вооруженным силам другой стороны;

16) *война с применением стратегических ядерных сил в «контрсилловом» варианте* с попыткой избежать поражения гражданского населения и важных объектов экономики противника;

17) *война с массированным применением ядерного оружия и других видов оружия массового поражения*, в том числе по крупным городским агломерациям [25, с. 60–65]. Причем разработчики отмечают, что «в ходе развития кризиса под воздействием того или иного комплекса факторов могут происходить как скачки вверх эскалации, так и ее ускоренное распространение по горизонтали» [25, с. 69].

Следует подчеркнуть, что понимание «лестницы эскалации» политическими и военными управленцами позволяет не допустить развития ситуации, ведущей к потере управляемости. Как отмечают авторы, «управление эскалацией – это и политико-дипломатическая, и оперативно-стратегическая задача; действия и политиков (и дипломатов), и военных должны быть направлены на недопущение перехода конфликта в неуправляемую стадию, чреватую взаимоуничтожающей войной» [25, с. 83].

По мнению ученых и практиков в области национальной безопасности, конфронтационная политика США против России и Китая, а также активное применение в ней инструментов гибридной агрессии, гонка вооружений и рост военной напряженности в Европе и Азии в совокупности резко повышают опасность непреднамеренного военного столкновения Россия – НАТО и Китай – США и их союзников, которое может затем перерасти в полномасштабную войну. Таким образом, повышается угроза войны между ядерными державами, находившаяся после окончания холодной войны на относительно низком уровне [4, с. 10].

В условиях глобальной нестабильности и конфронтации США и России сохраняется высокая вероятность развития «прокси»-конфликтов между Вашингтоном и Москвой, что повышает

риск непреднамеренного военного столкновения между ними, затрагивающего интересы Минска как стратегического партнера Москвы.

Состояние глобальной безопасности усугубляется тем, что отношения России и США, России и Запада в целом находятся на низком уровне, сравнимом с периодом холодной войны. Это затрудняет согласование позиций, возможное ведение переговоров, снижает взаимное доверие. Ситуация усугубляется еще и проведением Россией специальной военной операции в Украине.

При этом военными инструментами политики США и НАТО по сдерживанию России являются следующие:

создание военной инфраструктуры и де-факто постоянного военного присутствия (в нарушение основополагающего акта Россия – НАТО) на территории Польши и стран Балтии;

развертывание системы ПРО в Румынии и Польше, фактическое признание того, что она имеет антироссийский характер (будет использована против Российской Федерации в случае военного конфликта России и НАТО);

активное применение инструментов «гибридной войны» (огульная антироссийская пропаганда и обвинения во всевозможных преступлениях, кибероперации и пр.);

расширение присутствия в регионах Балтийского, Баренцева и Черного морей, регулярные патрулирования вблизи российской территории и периодические провокации с приближениями к российским границам и ее воздушным/морским судам [4, с. 14].

Характер развития военно-политической обстановки свидетельствует, что *военная активность НАТО на границе Беларуси и Союзного государства будет только возрастать*. В последние годы явно обозначилась тенденция, что в целях сохранения и усиления своего доминирующего положения на мировой арене НАТО наращивает в Европе численность войск и количество военных учений, сценарии которых имеют явно антибелорусскую и антироссийскую направленность.

Современный мир оказался в эпицентре рукотворного хаоса и глобальной турбулентности. Военные силы крупнейших держав находятся в состоянии повышенной боеготовности. Помимо постоянных учений ведутся реальные военные действия на Ближнем Востоке, Африке, Кавказе, Украине и других регионах. Создаваемые и управляемые потоки беженцев в Европу также можно считать отдельной частью учений. Следовательно, власти, милиция и войска должны обрести необходимые навыки управления массами в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Очевидными являются стратегия и главные элементы тактики конструкторов глобальной турбулентности. Даже цели военных учений страны НАТО перестали скрывать – захват части белорусских и российских территорий, уничтожение военной инфраструктуры и др.

Несмотря на меняющийся расклад сил в мире, США в перспективе не оставят попытки строить миропорядок в политико-экономической, военно-стратегической, культурно-духовной и других сферах для продолжения своей гегемонии. Вашингтон продолжит стремиться к демонтажу географических, экономических и прочих границ, слому иных ограничений с целью подчинения глобальных ресурсов мира своим национальным интересам [4, с. 21].

Кроме действующих зон конфликта, по мнению экспертов в области национальной безопасности, следует ожидать новые очаги напряженности: Беларусь, Казахстан, Армения, Туркменистан и др. Обратим внимание, что основным инструментом современного и будущего противоборства останется не оружие физического уничтожения сил противника и его инфраструктуры, а применение новейших информационных технологий и социально-психологических методов воздействия на сознание военно-политического руководства и всех слоев общества противостоящей стороны [4, с. 22]. Можно утверждать, что *технология ментальной войны получит свое дальнейшее развитие*. Это совсем не означает, что модернизация военной силы уходит на второй план.

Военно-силовое противоборство – главная особенность развития современного сценария международных отношений, которая реализуется в форме иррегулярной войны, в которой участвуют не только государства и их институты, но и негосударственные образования, прежде всего институты развития человеческого потенциала: некоммерческие организации, университеты, СМИ и отдельные граждане, представляющие собой главную силу развития современного

общества и экономики – творческий класс [4, с. 23]. Объектом операций в иррегулярной войне становится население, а правящая элита страны – объектом нападения.

Стратегия современной иррегулярной войны, которую ведут США в глобальном масштабе, была закреплена в наставлении по ее ведению, разработанном Пентагоном еще в мае 2010 г. [4, с. 24]. Следовательно, современный сценарий развития международных отношений – сценарий развития силового противоборства, эскалация которого ведет с высокой степенью вероятности к его переходу в военно-силовую фазу, исключаящую в качестве основ политики формы мирного сотрудничества [4, с. 24].

В настоящее время можно с уверенностью говорить о новых правилах игры в международной политике, которые устанавливаются на длительный срок. Эти правила характеризуются резким повышением роли военной силы, широчайшим применением инструментов экономического давления и войны, растущей идеологизацией внешней политики, являющейся следствием нарастания внутривнутриполитических противоречий в крупнейших странах [4, с. 33].

В последние годы значительно расширяется сфера противостояния в связи с возрастанием в международном противоборстве удельного веса политико-дипломатических, экономических, информационных, кибернетических, психологических средств и способов достижения политических целей. Поэтому сегодня ставится вопрос о кардинальном изменении дефиниции самой войны и всей системы знаний, связанных с ее пониманием [4, с. 42].

Многие ученые и практики в последние годы опубликовали свои труды по комплексному осмыслению феномена войны. Среди них А. И. Владимиров, И. М. Попов, М. М. Хамзатов, А. А. Кокошин, А. Д. Куманьков, А. И. Подберезкин, А. А. Бартош, С. М. Иншаков и др. [21; 26–32]. Это солидный научно-теоретический фундамент для ее понимания. Но военные конфликты имеют закономерность развиваться быстрее, нежели мирные отношения, кроме того, мы порой не успеваем их системно проанализировать.

В постбиполярном мире беспрецедентно ускорило применение инновационных, в первую очередь цифровых, технологий для насильственного воздействия на противоборствующую сторону. Современное межгосударственное противоборство использует все возможные средства, методы, технологии и ресурсы, прибегая к шантажу, пропаганде, информационным манипуляциям, экономическим санкциям, угрозам применения силы, военным операциям, а также к физическому уничтожению или дискредитации неугодных политических лидеров. При этом агрессор действует комплексно, по ситуации, применяя различные комбинации вышеперечисленных ресурсов и методов, придерживаясь согласованного единого плана, который в научных кругах определен как гибридная война [4, с. 43]. Коэффициент полезного действия гибридной войны во многом определяется экономическим эффектом. Как следствие, финансовая составляющая часто преобладает над остальными.

Цивилизация входит в фазу перманентных войн, не прекращающихся ни на минуту. Это обусловлено появлением новых возможностей и средств ведения войны. Еще в начале XX в. А. Е. Снесарев отмечал, что «война пошла вглубь» и все больше ведется «не только мечом». Процесс глобализации и развитие информационно-технологических возможностей современного мира привели к появлению субъектов новой войны, которые наряду с военно-силовыми методами ведения войны обычного типа стали использовать невоенные, опосредованные действия [4, с. 43].

Современные *гибридные угрозы* можно определить как совокупность методов военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и технологического давления, способов организации цветных революций, терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил специального назначения, сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или транснациональными корпорациями [4, с. 44].

К *новым инструментам при разрешении межгосударственных противоречий* в современных условиях можно отнести следующие:

дискредитацию органов власти страны-мишени, ее руководства и вооруженных сил в глазах мировой общественности и населения государства, формирование негативного отношения мирового сообщества к стране-мишени;

последовательный подрыв экономики страны-противника, распространение сфер применения санкций против страны-мишени: от дипломатии и экономики до международного спорта и популярной музыки;

создание условий для значительного снижения уровня военного потенциала страны и технологической оснащённости вооружённых сил;

широкомасштабное информационно-психологическое давление на военно-политическое руководство, население, командный и личный состав вооружённых сил противника;

привлечение некоммерческих общественных и культовых организаций к протестному движению против существующей власти, формирование активно-радикальной «пятой колонны», распространение сепаратистских движений и направленные действия по расколу общества;

оказание финансовой, методической, информационной и технической поддержки внутренней системной и несистемной оппозиции;

применение сил специальных операций, персонала частных военных компаний, негласную поддержку террористических групп и организаций на территории страны-мишени в интересах диверсий и провокаций, непрямую поддержку деятельности транснациональных преступных организаций по расширению трафика наркотиков и оружия, передел собственности и зон влияния на территории государства-противника;

вовлечение третьих стран для достижения собственных политических, экономических интересов, оперативное оборудование их территорий и наращивание военной инфраструктуры;

втягивание страны-мишени в военные конфликты с третьими странами;

вовлечение международных преступных хакерских сообществ в осуществление акций в киберпространстве против информационной структуры страны-мишени, использование их действий в собственных политических, финансовых, военных и других целях;

применение военной силы в обход решений ООН, игнорирование норм международного права (под видом миротворческих миссий, борьбы с терроризмом, кризисного урегулирования, гуманитарных операций) и др. [14, с. 19].

Отработку технологий методов гибридной агрессии можно наблюдать в действиях мировых держав против региональных и периферийных государств, попадающих в орбиту их национальных интересов.

Напомним, что «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» (одно из определений войны К. Клаузевица). В широком *философском смысле* «гибридная война» представляет собой синтетическую, комплексную систему навязывания своей воли противнику путем применения противоборствующими сторонами традиционных и нетрадиционных средств и способов насилия, регулярных и иррегулярных войск [4, с. 45].

Исходя из практики современного противоборства, военные аналитики предлагают понимать под *гибридной войной* «форму межгосударственного противоборства двух и более сторон с преобладающим взаимосогласованным применением технологий невоенного воздействия, защиты, сдерживания и принуждения в ведущих сферах деятельности государств в сочетании с военно-силовыми действиями в различных физических средах, кибер- и информационно-психологической сферах, реализация которых обеспечивает достижение политических, экономических и иных целей государств» [14, с. 22]

Нарастающая милитаризация информационного пространства ведет к изменению взглядов на силовые методы изменения геополитического баланса. Это в свою очередь повлечет настоящую технологическую революцию в сфере ведения информационных, гибридных и торговых войн [4, с. 47]. Подчеркнем, что цель информационной войны – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле [33].

Основными *методами ведения информационной войны* являются следующие:

создание атмосферы безнравственности и бездуховности, негативного отношения к культурному наследию населения;

манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп в интересах создания обстановки политической напряженности и хаоса, искажение мировой истории и исторической памяти народов;

дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провоцирования конфликтов, создание атмосферы недоверия и подозрительности;
обострение политической борьбы, провоцирование репрессий против оппозиции;
снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления с целью затруднения принятия решений;

дезинформация о работе государственных органов с целью их дискредитации;
провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений;
иницирование массовых акций протеста и беспорядков;
подрыв международного авторитета государства;
нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и других сферах;

развязывание гражданской войны [4, с. 48]. Особенно хорошо это заметно на примере современных «цветных революций», которые по своей сути являются в межгосударственном противоборстве инновационными методами «мягкой силы», направленными на свержение существующих режимов.

Многие ученые подчеркивают, что «цветные революции» являются инструментом реализации внешнеполитической стратегии США. Как правило, он применяется по отношению к тем странам, где у США есть свои интересы; с помощью «цветных» технологий наносятся удары и демонтируются те политические режимы, которые отличаются большой самостоятельностью и служат только своим национальным интересам [4, с. 51].

Важнейшая особенность современного мироустройства заключается в том, что США, не отказываясь от гонки вооружения и военных провокаций, делают ставку на гибридные операции, особенно на «войны за идентичность», или концентрические войны.

В этих условиях перед государственным и военно-политическим руководством как Республики Беларусь, так и Российской Федерации возникают вопросы своевременного и превентивного реагирования на современные вызовы и угрозы национальной безопасности государств. Это должно осуществляться за счет разработки и практического применения мер нейтрализации вызовов и угроз суверенитету, территориальной целостности государства, безопасностям отдельных сфер общественной жизни [4, с. 53].

Объективные тенденции развития современных международных отношений создают условия для возникновения конфликтов между государствами в различных сферах. Основные угрозы, способствующие зарождению конфликтов, – противоречия глобализации, изменение центров силы, глобальное истощение ресурсов, геэкономические и геостратегические противоречия, а также нетрадиционные угрозы, включая неконтролируемые миграции, терроризм, радикализацию общественных групп, гуманитарные проблемы [4, с. 83].

Тенденции развития военно-политической обстановки в мире определяются основными событиями, происходящими в военной сфере. Военная опасность и военная угроза являются своеобразными характеристиками реально существующей или прогнозируемой в будущем военно-политической обстановки, отношений между коалициями государств, отдельными странами, различными силами внутри них.

Среди *основных тенденций* военно-политической обстановки, определяющих военные опасности и угрозы Союзному государству, следует отметить следующие:

увеличение числа конфликтов, в том числе вооруженных, расширение их географии;
ослабление роли ведущих международных организаций, в том числе ООН, в урегулировании межгосударственных конфликтов и противоречий;

стремление США к сохранению и укреплению доминирующих позиций в военной сфере, перенос главных усилий на сдерживание увеличения военной мощи Российской Федерации и Китая;

усиление антироссийского вектора военной политики США и их союзников;
приверженность США и их союзников по НАТО к использованию военно-силовых акций в обход общепризнанных норм международного права;

расширение влияния Турции на тюркоязычный мир с целью реализации своих имперских амбиций;

активизация негосударственных субъектов мировой политики в военной сфере, рост их влияния на динамику военно-политической обстановки;
расширение масштабов международного терроризма;
возрастание роли асимметричных средств и методов достижения военно-политических целей [4, с. 112].

В целом в последние годы конфликтный потенциал в межгосударственных отношениях не уменьшился.

В рамках *среднесрочного прогноза до 2025 г.* российские аналитики определяют наиболее опасные тенденции военно-политической обстановки:

наращивание военной инфраструктуры стран – членов НАТО вблизи границ Союзного государства;

развертывание дополнительных воинских контингентов иностранных государств на территориях, сопредельных с Союзным государством, а также в прилегающих акваториях;

создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны.

НАТО продолжит курс на расширение через втягивание в альянс Грузии, Украины, Молдавии. С удовлетворением воспринято НАТО решение Швеции и Финляндии о вхождении в альянс. Равноправное партнерство НАТО с Россией налажено не будет.

Основными угрозами военной безопасности Российской Федерации останутся следующие:

развернутые и готовые к применению группировки стратегических ядерных сил США, прежде всего, Великобритании и Франции;

запасы оружия массового уничтожения и других типов и средств его доставки;

развертывание группировок ударных космических средств, а также группировок высокотехнологических средств «мгновенного удара»;

наращивание военного присутствия иностранных государств, в том числе под эгидой НАТО, вокруг Российской Федерации;

международный терроризм;

борьба иностранных государств за доступ к природным ресурсам с использованием военно-силовых методов;

подрыв иностранными государствами глобальной и региональной безопасности, в том числе под предлогом борьбы с экстремистскими и террористическими группировками;

территориальные претензии иностранных государств к Российской Федерации;

демонстрация военной силы (крупномасштабные военные учения) зарубежными странами в ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзников.

При этом наиболее катастрофичной (по возможным последствиям) останется угроза военного столкновения ядерных держав (США – Российская Федерация, США – Китай, США – КНДР, Китай – Индия, Индия – Пакистан), а также угроза применения ядерного оружия в региональных конфликтах (Иран – Израиль).

Нельзя также полностью исключать угрозу развязывания против России вооруженного конфликта на одном из стратегических направлений и угрозу развязывания крупномасштабного военного конфликта со стороны США и НАТО. В зависимости от региона мира угрозы военного характера могут проявляться по-разному. Для Российской Федерации это связано с физико-географическими, геополитическими, историческими, религиозными и другими особенностями театров военных действий и стратегических направлений в их составе [4, с. 119].

В рамках *долгосрочного прогноза до 2035 г.* военно-политическая обстановка будет характеризоваться следующими особенностями. В частности, при долгосрочном прогнозировании необходимо учитывать возможность актуализации сценария «регионализация». Ослабление контроля со стороны мировых лидеров (США, государств Европы, Китая), вызванное обострением внутренних социально-экономических проблем, приведет к росту асимметричных угроз национальной безопасности государств в глобальном масштабе [4, с. 119].

В период до 2035 г. «базовыми сценариями» развития глобальной военно-политической обстановки будут являться следующие:

переход к полицентричной модели мироустройства;
продолжение попыток США сохранить свое доминирование;
формирование биполярной модели мироустройства;
усиление процессов регионализации или их сочетание [4, с. 120].

Регионализация мировой политики предусматривает значительное ослабление существующих глобальных центров силы, обострение борьбы за лидерство в регионах мира и, как следствие, рост конфликтного потенциала [4, с. 121].

Анализ и оценка прогноза развития военно-политической обстановки и стратегической обстановки в мире, проведенной экспертами, позволили выявить ряд внешних вызовов и угроз военной безопасности Российской Федерации, влияние которых с различной степенью вероятности возможно при любом базовом сценарии развития военно-политической обстановки до 2035 г.:

приближение военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;

наличие развернутых и готовых к применению группировок стратегических ядерных сил США, Великобритании и Франции;

готовность руководства США и НАТО в одностороннем порядке применять военную силу в обход существующих механизмов обеспечения международной безопасности;

реализация планов США по развертыванию глобальной системы ПРО, а также по созданию высокотехнологичных средств «мгновенного удара»;

развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия, развитие новых видов и средств вооруженной борьбы, включая средства «мгновенного удара», возможность переноса боевых действий в космическое пространство;

демонстрация военной силы зарубежными странами в ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками;

установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, недружественных режимов, политика которых угрожает интересам Российской Федерации и ее союзников, в том числе в результате свержения в них легитимных органов государственной власти;

ужесточение конкуренции за беспрепятственный доступ к источникам сырьевых ресурсов и контроль над маршрутами их транспортировки на фоне изменений климата, сокращения мировых запасов пресной воды, нехватки продовольствия и повышения спроса на энергоресурсы;

наличие (возникновение) очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий;

международный терроризм [4, с. 122].

В целом вызовы и угрозы военной безопасности как России, так и Беларуси будут иметь комплексный и разнонаправленный характер, затрагивая политическую, военную, экономическую, информационную и другие жизненно важные сферы деятельности государств, которые могут явиться предвестником появления военных угроз практически по всему периметру границ Союзного государства.

По мнению аналитиков в сфере национальной безопасности, в долгосрочной перспективе до 2035 г. наиболее актуальными угрозами военной безопасности для Российской Федерации будут являться следующие:

наличие у США и других государств развернутых и готовых к применению стратегических ядерных сил;

нарушение Соединенными Штатами и их союзниками договоров и соглашений в области контроля над вооружениями и мер доверия;

наращивание военной мощи НАТО, расширение военного присутствия государств – членов НАТО в регионах, сопредельных с Россией;

возникновение и эскалация локальных конфликтов;

технологическое и военно-техническое превосходство ведущих зарубежных стран над Россией, позволяющее опережающими темпами разрабатывать средства вооруженной борьбы следующих поколений, в массовом порядке оснащать ими вооруженные силы;

развертывание элементов стратегической ПРО США в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, что может привести к нарушению сложившегося баланса стратегических сил, а также подрыву глобальной и региональной стабильности в целом;

эффективное функционирование стратегической ПРО США в Европе, а также в Азиатско-Тихоокеанском регионе, появление у США возможности по нанесению по России обезоруживающего удара;

милитаризация космоса (создание авиационно-космических сил, разработка стратегического ударного авиационно-космического комплекса, предназначенного для нанесения высокоточных ударов на межконтинентальную дальность);

размывание режима нераспространения оружия массового поражения и, в частности, ядерного, материалов и технологий для его создания, технологий двойного назначения;

активизация религиозного и национального экстремизма в граничащих с Россией регионах.

Таким образом, состояние современной военно-политической обстановки свидетельствует о низкой вероятности развязывания крупномасштабной войны. При этом в последнее время все чаще наблюдаются всплески нестабильности и насилия в различных регионах мира [4, с. 126].

Важнейшая задача внешней и военной политики Республики Беларусь и Российской Федерации в обозримом будущем – укрепление международной безопасности и стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях.

В целях обеспечения безопасности Беларуси и России, оснащения их военных организаций современными образцами вооружений и военной техники, а также устранения зависимости от передовых стран, успешно развивающих свою научно-технологическую базу, целесообразно сконцентрировать усилия на приоритетных направлениях и критических технологиях в развитии науки и технологий. Основами государственной научно-технической политики стран могут являться определение стратегически важных направлений научного поиска и разработки технологий, защита интеллектуальной собственности, а также осуществление в ближайшие годы целого ряда следующих мер:

повышение востребованности науки, создание условий привлекательности разработки высоких технологий за счет средств республиканского (федерального) бюджета и внебюджетных источников финансирования, а также развитие инновационной инфраструктуры;

создание общедоступной сети научно-технической и коммерческой информации;

реорганизация и развитие технополисов – территорий с высоким научно-технологическим потенциалом;

участие белорусской и российской науки в международном научно-техническом сотрудничестве и решении глобальных проблем человечества [4, с. 142].

В военной сфере существенное усложнение систем управления войсками и оружием уже приводит к ситуации, когда отдельные страны утрачивают способность самостоятельно планировать и проводить операции с масштабным применением военной силы. Эта зависимость от прогрессивных государств будет усиливаться по мере внедрения высокотехнологичных систем.

Отмеченные выше, а также другие факторы ведут к углубляющейся перестройке форм и способов военного противоборства. При этом все чаще для достижения политических или экономических целей используется скрытое (латентное) противоборство, а также интенсифицируется применение невоенных форм борьбы [4, с. 153].

На наш взгляд, в обозримой перспективе будет наращаться информационно-психологическое (ментальное) противоборство, имеющее целью разрушить духовную сферу как белорусского, так и российского общества. Основой духовной сферы наших обществ является нематериальное культурное наследие, которое включает: языки народов России и Беларуси; народные обычаи; традиционные религии; науку и научную деятельность; представления о картине мира, происхождении и истории народов наших стран; философские системы и морально-этические нормы, признанные белорусским и российским обществом; дипломатию и политику; экономику

и инженерно-технические индустрии; информационные технологии; народное, классическое и современное искусство; педагогические традиции, системы воспитания и образования, формирующие традиционные ценности в обществе [4, с. 228].

При обеспечении военной безопасности следует учитывать опыт локальных войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий, который свидетельствует о коренном изменении *характера вооруженной борьбы в XXI в.*, основными чертами которой становятся следующие:

пространственная глобализация любого военного конфликта вне зависимости от целей, масштаба и используемых средств;

расширение сферы объединенных действий видов и родов сил, повышение значимости их экспедиционных действий;

возрастание интенсивности использования воздушно-космического пространства в интересах ведения вооруженной борьбы;

переход от масштабных, истощающих действий к скоординированному проведению разьединенных в пространстве и времени операций, динамичному конфигурированию ударов (высокоточных, электронных, информационных и др.) по наиболее важным целям и объектам критической инфраструктуры;

возрастание объема решаемых задач, нанесение ударов по противнику с больших расстояний и с высокой точностью на всю глубину его территории;

возрастание возможностей средств разведки, управления и поражения и их объединение в едином информационном пространстве;

начало и ведение высокоманевренных бесконтактных военных действий;

массированное применение высокоточного оружия различного базирования, широкомасштабное использование сил специальных операций и войск специального назначения, роботизированных комплексов, нетрадиционного оружия и оружия на новых физических принципах;

возрастание боевого потенциала и многоцелевого использования перспективных систем и средств, использующих новые физические принципы действия;

широкое внедрение информационных технологий для достижения принципиально нового уровня интеграции боевых и обеспечивающих систем различного назначения, роботизация и внедрение элементов искусственного интеллекта, изменяющие роль и место человека в системах вооруженной борьбы;

увеличение мобильности сил и средств ведения вооруженной борьбы за счет возрастания их возможностей и возможностей авиации по оперативной переброске войск и сил на любой театр военных действий [4, с. 329].

Геополитическая и военно-политическая ситуация на западном направлении Союзного государства, а также динамика ее развития позволяют выявить и спрогнозировать следующие основные вызовы и угрозы национальной безопасности [4, с. 381]. Как отмечено в Военной доктрине, *основными военными угрозами Союзному государству* государства-участники признают:

концентрацию вооруженных сил другого государства (других государств) вдоль границ государств-участников в Восточно-Европейском регионе коллективной безопасности, указывающую на намерение применить военную силу против Союзного государства;

возникновение на территориях государств, сопредельных с Союзным государством, вооруженных конфликтов, направленных против жизненно важных интересов Союзного государства;

проведение в другом государстве (других государствах) мобилизации в целях совершения акта вооруженной агрессии на Союзное государство;

использование информационно-коммуникационных технологий для осуществления враждебных действий, представляющих угрозу международной безопасности, в том числе направленных на дискредитацию государств-участников, нарушение их территориальной целостности и государственного суверенитета, вмешательство в их внутренние дела;

иную деятельность другого государства (других государств), экстремистских, террористических организаций (движений), расположенных на территории другого государства (других государств), включая заявления, демонстрацию силы, осуществляемые в нарушение Устава ООН и указывающие на подготовку к нападению на Союзное государство [12, ст. 13].

Сегодня происходят революционные изменения в конфигурации безопасности. К примеру, идет переход с одной среды военного противостояния и ведения боевых операций в другую: с воздушно-космической, сухопутной, морской на всеобъемлющую – пространственную.

В этой непривычной и неосвоенной сфере особо важной для всего живого новой ведущей силой выступает интеллектуально-информационное оружие [34; 35]. Физическая сила, несколько не утрачивая своего значения и востребованности, уступает место силе интеллекта. Дистанция между этими силами увеличивается в прогрессии. Привычного тыла и фронта нет – все на местах постоянной дислокации [4, с. 498].

Напомним, что к трем потенциальным театрам военных действий: суша, водное и воздушное пространства добавились космическое, киберпространство и интеллектуально-информационное пространство, где и развернутся самые жестокие сражения будущего [4, с. 499].

Военная безопасность – это не абстрактное состояние социальной системы, а обоснованная уверенность общества в надежной защите от внешних военных и иных угроз, включая внутренние. Она определяется способностью государства противодействовать возникновению войны и вовлечению в нее, а в случае нападения противника может отразить в кратчайшее время и свести к минимуму вероятные потери [4, с. 506]. Современное мировое противоборство, как и прежде, сопровождается многочисленными конфликтами, в том числе с применением военной силы.

Угрозы безопасности современному государству имеют комплексный и многоуровневый характер, что вызывает появление новых форм межгосударственного противоборства, сочетающих широкий спектр военных и невоенных методов и средств. Современные *межгосударственные конфликты отличаются характерными особенностями и направленностью*, а именно:

1) возрастает роль невоенных методов противоборства, в том числе дипломатических, финансовых, экономических, информационных, а также подрывных действий. Они планируются и применяются в сочетании с военными действиями, существенно влияя на достижение политических целей. Как следствие, возникают новые формы противоборства с участием государственных и негосударственных субъектов политики;

2) противоборство быстро расширяется в пространственном и функциональном измерениях. Оно распространяется на все пространства: сухопутные территории на неограниченную глубину, воздушное, космическое, морское и киберпространство. Это сопровождается расширением функциональных возможностей форм вооруженной борьбы, включая нанесение высокоточных ударов с любого направления и на любую глубину, проведение специальных операций и информационно-психологическое воздействие на противника. Особенно актуальными становятся межвидовые операции группировок войск (сил), способных выполнять как военные, так и невоенные миссии;

3) в современных конфликтах особая роль отводится информационной борьбе. Существенное внимание уделяется воздействию на менталитет и психологическое состояние как всего общества, так и отдельных слоев: политического руководства, элит, различных общественных групп и общественных организаций. Такое воздействие носит длительный и систематический характер. Оно основывается на управлении глобальными информационными потоками и направлено на изменение политического поведения целевой аудитории в нужном направлении;

4) многие современные конфликты размывают привычные способы ведения войны, традиционно связанные с применением регулярных сил. Это проявляется в следующем: не всегда можно различить гражданских и военных участников конфликта; отсутствует формальное объявление войны; конфликт трудно локализуется в пределах границ одного государства; не соблюдаются международно-правовые нормы и правила ведения войны; в противоборстве преобладает нетрадиционная тактика; в конфликте могут участвовать негосударственные субъекты политики, а также иностранные государства, спецслужбы, наемники, частные военные компании;

5) новые формы противоборства влекут высокие риски эскалации конфликта, поскольку, с одной стороны, они нередко ведутся в «серой зоне» международного права, маскируя участников и их цели, а с другой – могут оказаться настолько эффективными, что позволяют решать задачи стратегического уровня [4, с. 516].

Заключение. В целях гарантированного обеспечения военной безопасности необходимо постоянное прогнозирование международной и военно-политической обстановки, совершенствование военной организации государства, единство государственной власти, армии и народа страны. В Беларуси основные задачи военной организации государства и пути их решения достаточно четко сформулированы в нормативных правовых документах. Безусловно, исходя из появления новых вызовов и угроз в военной сфере национальной безопасности, развитие всей военной организации государства и ее компонентов будет продолжено с акцентом на ее качественные параметры применительно к реалиям военно-политической обстановки.

Основной военно-стратегической задачей для руководства нашего государства является *сдерживание агрессии в любых ее трансформациях*. Исходя из приоритетов нашей государственной идеологии (обеспечение мира и безопасности, сохранение народа страны), выполнение данной задачи является приоритетной и экономически наиболее рациональной. Стоит уяснить, что расходы на предотвращение войны заведомо меньше тех расходов на ведение войны и того ущерба, которым чревата любая современная война.

Комплектование военной организации государства в мирное время должно обеспечить добровольный приход на военную службу грамотных, здоровых, физически подготовленных, нравственно совершенных защитников Отечества, готовых освоить современные средства вооруженной борьбы, профессионально владеть ими и решать любые военные задачи. Кроме того, стране необходим военно-обученный резерв ее защитников как для восполнения состава военных профессионалов, так и для отражения потенциальной агрессии, если ее масштабы превзойдут возможности регулярных войск мирного времени. Это необходимо понимать всему обществу, поскольку, говоря словами известного военного ученого М. А. Гареева, «армию создают не только офицеры и генералы, ее создает весь народ ...» [36, с. 105]. Более того, в современной многосферной и системной войне весь народ становится армией. Нужна мобилизация духовных и физических сил белорусского общества на недопущение любых актов агрессии в отношении государства.

Применительно к Вооруженным Силам, по мнению экспертов, их задачи как ядра военной организации государства могут быть структурированы по четырем основным направлениям: 1) сдерживание военных и военно-политических угроз безопасности и интересам государства; 2) обеспечение экономических и политических интересов страны; 3) осуществление силовых операций мирного времени; 4) применение военной силы. Требования к Вооруженным Силам могут быть зафиксированы: способность осуществить стратегическое сдерживание; высокая боевая и мобилизационная готовность; стратегическая мобильность; высокая степень укомплектованности хорошо обученным и подготовленным личным составом; высокая техническая оснащенность и ресурсообеспеченность [37, с. 29].

Только постоянное интеллектуально-аналитическое сопровождение военной сферы национальной безопасности, а также научно обоснованные управленческие решения в области общей системы безопасности, духовная и материальная подготовка военной организации государства и всего общества способны предотвратить агрессию и обеспечить мир на белорусской земле.

Список использованных источников

1. Гулевич, В. В. Формирование концептуальных основ военной политики Республики Беларусь / В. В. Гулевич // Наука и воен. безопасность. – 2022. – № 2. – С. 2–4.
2. Ильницкий, А. М. Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
3. Ильницкий, А. М. Стратегия ментальной безопасности России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2022. – № 4. – С. 24–35.
4. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / Воен. акад. Генер. штаба Вооруж. Сил Рос. Федерации, Воен. ин-т (упр. нац. обороной) ; под общ. ред. А. С. Коржевского. – М. : РГГУ, 2021. – 602 с.
5. Коржевский, А. С. Методологические подходы к прогнозированию в сфере военной безопасности государства / А. С. Коржевский, В. Л. Махнин // Воен. мысль. – 2022. – № 5. – С. 21–31.
6. Воробьев, И. Н. Еще раз о военной футурологии / И. Н. Воробьев // Воен. мысль. – 2008. – № 5. – С. 62–67.
7. Рябчук, В. Д. Проблемы военной науки и военного прогнозирования в условиях интеллектуально-информационного противоборства / В. Д. Рябчук // Воен. мысль. – 2008. – № 5. – С. 67–76.

8. Ткаченко, А. В. Прогнозирование военно-политической обстановки в интересах предотвращения военных угроз и конфликтов / А. В. Ткаченко, А. В. Козлов // Наука и воен. безопасность. – 2020. – № 3. – С. 9–11.
9. Подберезкин, А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки / А. И. Подберезкин. – М. : Юстициформ, 2021. – 1077 с.
10. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г., № 412-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600412>. – Дата доступа: 11.05.2022.
11. Ксенофонтов, В. А. Методологические ориентиры военной безопасности Союзного государства / В. А. Ксенофонтов // Сб. науч. ст. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2022. – № 42. – С. 72–84.
12. О Военной доктрине Союзного государства [Электронный ресурс] : постановление Высш. Гос. Совета Союз. государства, 4 нояб. 2021 г., № 5 // Союзное государство : офиц. сайт Постоян. Ком. Союз. государства. – Режим доступа: <https://www.postkomsg.com/documentation/document/1899/>. – Дата доступа: 02.02.2022.
13. Маккиндер, Х. Петля анаконды. Стратегия геополитического превосходства / Х. Маккиндер, З. Бжезинский ; пер. с англ.: М. Тимофеева [и др.]. – М. : Родина, 2020. – 223 с.
14. Анисимов, Е. Г. Гибридные войны – важнейшая часть предметной области теории и практики «высшей стратегии» / Е. Г. Анисимов, А. А. Селиванов, С. В. Чварков // Вестн. Акад. воен. наук. – 2021. – № 4 (77). – С. 17–28.
15. Сайфетдинов, Х. И. Гибридные войны, проводимые США и странами НАТО, их сущность и направленность / Х. И. Сайфетдинов // Воен. мысль. – 2022. – № 5. – С. 13–20.
16. Ксенофонтов, В. А. Современные западные концепции военного насилия / В. А. Ксенофонтов // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 135–148. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-135-148>
17. Манойло, А. В. Информационные войны и психологические операции: руководство к действию / А. В. Манойло. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 496 с.
18. Манойло, А. В. Технологии неклассической войны: генезис, эволюция, практика / А. В. Манойло, К. С. Стригунов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2020. – 378 с.
19. Бартош, А. А. Серая зона: театр гибридной войны / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2022. – 308 с.
20. Бартош, А. А. Гибридная война : учеб. пособие / А. А. Бартош. – М. : КНОРУС, 2021. – 306 с.
21. Бартош, А. А. Вопросы теории гибридной войны / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2022. – 324 с.
22. Бартош, А. А. Театры гибридной войны : учеб. пособие / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2022. – 356 с.
23. Панарин, И. Н. Гибридная война: теория и практика / И. Н. Панарин. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 402 с.
24. Панарин, И. Н. Гибридная война и геополитика / И. Н. Панарин. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 472 с.
25. Вопросы эскалации и дэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн / А. А. Кокошин [и др.]. – М. : URSS, 2021. – 88 с.
26. Владимиров, А. И. Основы общей теории войны : в 2 ч. / А. И. Владимиров. – М. : Моск. финансово-пром. ун-т «Синергия», 2013. – Ч. 1 : Основы теории войны. – 832 с.
27. Владимиров, А. И. Основы общей теории войны : в 2 ч. / А. И. Владимиров. – М. : Моск. финансово-пром. ун-т «Синергия», 2013. – Ч. 2 : Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. – 976 с.
28. Попов, И. М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы: очерки стратегической мысли / И. М. Попов, М. М. Хамзатов. – М. : Кучково поле, 2016. – 832 с.
29. Кокошин, А. А. Вопросы прикладной теории войны / А. А. Кокошин. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. – 227 с.
30. Куманьков, А. Д. Война в XXI веке / А. Д. Куманьков. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. – 290 с.
31. Подберезкин, А. И. Война и политика в современном мире / А. И. Подберезкин ; [ред. О. Е. Родионов]. – М. : Междунар. отношения, 2020. – 311 с.
32. Иншаков, С. М. Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности / С. М. Иншаков. – М. : РУСАЙНС, 2021. – 306 с.
33. Ксенофонтов, В. А. Управление волей человека как цель и важнейший принцип ведения войны / В. А. Ксенофонтов // Тр. БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2020. – № 2 (239). – С. 104–110.
34. Анненков, В. И. Информация – ключ к победе в современной войне / В. И. Анненков, В. Ф. Моисеев, В. К. Новиков. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 428 с.
35. Новиков, В. К. «Дранг нах Остен» – сценарии информационных войн в действии / В. К. Новиков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 344 с.
36. Слипченко, В. Будущая война / В. Слипченко, М. Гареев. – М. : ОГИ, 2005. – 144 с.
37. Макаренко, Д. И. Концептуальное моделирование военной безопасности государства / Д. И. Макаренко, Е. Ю. Хрусталев. – М. : Наука, 2008. – 303 с.

References

1. Gulevich V. V. Formation of conceptual foundations of military policy of the Republic of Belarus. *Nauka i voennaya bezopasnost'* [Science and Military Security], 2022, no. 2, pp. 2–4 (in Russian).
2. Ilnitsky A. M. Mental warfare in Russia. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2021, no. 8, pp. 19–33 (in Russian).

3. Ilnitsky A. M. The strategy of Russia's mental security. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2022, no. 4, pp. 24–35 (in Russian).
4. Korzhevskii A. S. (ed.). *Projected challenges and threats to national security of the Russian Federation and directions of their neutralization*. Moscow, Russian State Humanities University, 2021. 602 p. (in Russian).
5. Korzhevsky A. S., Makhnin V. L. Methodological approaches to prognostication in the area of state military security. *Voennaya mysl'* [Military thought], 2022, no. 5, pp. 21–31 (in Russian).
6. Vorob'ev I. N. Once again about military futurology. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2008, no. 5, pp. 62–67 (in Russian).
7. Ryabchuk V. D. Problems of military science and military forecasting in conditions of intellectual and informational confrontation. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2008, no. 5, pp. 67–76 (in Russian).
8. Tkachenko A. V., Kozlov A. V. Forecasting of military and political situation in order to prevent military threats and conflicts. *Nauka i voennaya bezopasnost'* [Science and Military Security], 2020, no. 3, pp. 9–11 (in Russian).
9. Podberezkin A. I. *Estimation and forecast of military and political situation*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2021. 1077 p. (in Russian).
10. Military Doctrine of the Republic of Belarus: approved by the Law of the Republic of Belarus 20.07.2016, no. 412-Z. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600412> (accessed 11.05.2022) (in Russian).
11. Ksenofontov V. A. Methodological guidelines for military security of the Union State. *Sbornik nauchnykh statei VoЕННОI akademii Respubliki Belarus'* [Collection of scientific articles of the Military Academy of the Republic of Belarus], 2022, no. 42, pp. 72–84 (in Russian).
12. On the Military Doctrine of the Union State: resolution of the Supreme State Council of the Union State, November 4, 2021, no. 5. *Union State: official website of the Standing Committee of Union States*. Available at: www.postkomsg.com/documentation/document/1899/ (accessed 02.02.2022) (in Russian).
13. Mackinder H., Brzezinski Z. *Anaconda loop. A strategy for geopolitical supremacy*. Moscow, Rodina Publ., 2020. 223 p. (in Russian).
14. Anisimov E. G., Selivanov A. A., Chvarkov S. V. Hybrid wars – the most important part of the subject area of the theory and practice of “supreme strategy”. *Vestnik Akademii voennykh nauk* [Vestnik of the Academy of Military Sciences], 2021, no. 4 (77), pp. 17–28 (in Russian).
15. Saifetdinov Kh. I. Hybrid warfare waged by the US and NATO, its essence and vector. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2022, no. 5, pp. 13–20 (in Russian).
16. Ksenofontov V. A. Modern western concepts of military violence. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 135–148 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-135-148>
17. Manoilo A. V. *Information wars and psychological operations: guide to action*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 496 p. (in Russian).
18. Manoilo A. V., Strigunov K. S. *Technologies of non-classical warfare: genesis, evolution, practice*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2020. 378 p. (in Russian).
19. Bartosh A. A. *Gray zone: the theater of hybrid warfare*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2022. 308 p. (in Russian).
20. Bartosh A. A. *Hybrid warfare*. Moscow, KNORUS Publ., 2021. 306 p. (in Russian).
21. Bartosh A. A. *Questions of the theory of hybrid warfare*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2022. 324 p. (in Russian).
22. Bartosh A. A. *The theaters of hybrid warfare*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2022. 356 p. (in Russian).
23. Panarin I. N. *Hybrid war: theory and practice*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 402 p. (in Russian).
24. Panarin I. N. *Hybrid war and geopolitics*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 472 p. (in Russian).
25. Kokoshin A. A., Baluevskii Yu. N., Esin V. I., Shlyakhturov A. V. *Issues of escalation and de-escalation of crisis situations, armed conflicts and wars*. Moscow, URSS Publ., 2021. 88 p. (in Russian).
26. Vladimirov A. I. *Fundamentals of the general theory of war. Part 1. Fundamentals of war theory*. Moscow, Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, 2013. 832 p. (in Russian).
27. Vladimirov A. I. *Fundamentals of the general theory of war. Part 2. Theory of national strategy: fundamentals of theory, practice and art of state management*. Moscow, Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, 2013. 976 p. (in Russian).
28. Popov I. M., Khamzatov M. M. *War of the future: conceptual foundations and practical conclusions: essays on strategic thought*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 832 p. (in Russian).
29. Kokoshin A. A. *Issues of the applied theory of war*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 227 p. (in Russian).
30. Kuman'kov A. D. *War in the XXI century*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 290 p. (in Russian).
31. Podberezkin A. I. *War and politics in the modern world*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2020. 311 p. (in Russian).
32. Inshakov S. M. *Hybrid war in the system of military threats to national security*. Moscow, RUSAINS Publ., 2021. 306 p. (in Russian).

33. Ksenofontov V. A. Managing the will of man as a goal and an important principle of warfare. *Trudy BGTU. Seriya 6, Istorija, filosofija = Proceedings of BSTU. Issue 6, History, Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 104–110 (in Russian).
34. Annenkov V. I., Moiseev V. F., Novikov V. K. *Information – the key to victory in modern war*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 428 p. (in Russian).
35. Novikov V. K. “*Drang nach Osten*” – *scenarios of information wars in action*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 344 p. (in Russian).
36. Slipchenko V., Gareev M. *The future war*. Moscow, OGI Publ., 2005. 144 p. (in Russian).
37. Makarenko D. I., Khrustalev E. Yu. *Conceptual modeling of military security of the state*. Moscow, Nauka Publ., 2008. 303 p. (in Russian).

Информация об авторе

Ксенофонт Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (пр. Независимости, 220, 220057, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Vladislav A. Ksenofontov – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220 Nezavisimosti Ave., Minsk 220057, Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com